

ПРЕДИСЛОВИЕ

переводчика

Дорогой читатель!

Перед тобой скрупулезный и, надеюсь, доступный перевод книги средневекового арабского поэта Вазира ибн Акифа, большого ценителя Красоты в самом мистическом ее проявлении.

Когда ко мне впервые обратились с просьбой перевести эту всплывшую в архивах рукопись, я, буду честен, не сразу согласился. Не потому что не заинтересовался — в потоке каждодневной серости просто не уделил должного внимания письму в электронной почте. Очередное предложение — разве может такое чем-то зацепить переводчика с прожженным работой сердцем?

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Но потом мне рассказали удивительную историю этой рукописи.

Что вы знаете о Карфагене? Ответ можно угадать: не так много, как хотелось бы. Да и то почти все — из римских источников; искаженные и выхолощенные во имя зверской пропаганды сведенья. Смерть Карфагена — настоящая цивилизационная катастрофа, сравнимая, наверное, с катастрофой бронзового века. Если обратить взгляд только в прошлое.

Отсюда вывод: любой роман о Карфагене, об этом Новом городе, не может быть назван *подлинно историческим*.

Но Вазир ибн Акиф... сведения из архивов и древних документов туманны, детали, как обычно, сокрыты саваном тайны, но общая канва этой удивительной истории (истории написания истории, позвольте сказать) предельно ясна. Однажды уважаемый поэт гулял по тем иссушенным землям, где некогда с гордо поднятой головой смотрел в светлое будущее Карфаген, и наткнулся на сосуд с глиняными табличками. Заметил его случайно, в одной из ям: не то в подвале, не то в развалинах ритуального склепа. Таблички были исписаны буквами греческого алфавита. Вазир ибн Акиф, ученый муж, прочитал их — не без помощи друзей, в чем сам признаётся, — и пересказал в поэтических красках.

Это — крупица утерянного навсегда знания о Карфагене, чей львиный рык некогда сотрясал окрестные земли. Пусть история, записанная Вазиром ибн Акифом, и полна... всяма фантастических подробностей. Это не летопись. Скорее, книга прежде всего о человеческих судьбах и уже потом — о судьбах империй.

Второго не бывает без первого. Первого — без второго.

Кто-то может подумать, что никакого Вазира ибн Акифа не существовало, все это — мистификация, написанная более

поздними авторами. Конечно, я допускаю и понимаю такое мнение. Но мне кажется, что в наш век — век давно умерших великих рыцарей, великих любовников и даже великих комбинаторов — такую историю написать решительно невозможно. Нюансы мышления, вот и все. Никакого волшебства.

Перевод этого текста был огромным наслаждением. Надеюсь, мне удалось в точности адаптировать всю феерическую яркость авторского слога, особенно в тех моментах, когда дело доходит до описаний: тут Вазир ибн Акиф изливается густой гуашью, создавая волшебный и порой жестокий Восток. Я постарался максимально приблизить текст к современному звучанию и построению предложений, чтобы читатель не чувствовал себя студентом на лекциях по древней, античной и средневековой литературе. Большинство вещей я оставил максимально аутентичными: так, эллины не стали греками, Ливия — Африкой, а персидский огонь — сибирской язвой. Я позволил себе всего одну значительную вольность: змей Грутсланг в тексте не именуется Большим Змеем (за редким исключением). Жителям той эпохи это голландское слово было незнакомо, а вот читатель поймет, о ком писал Вазир ибн Акиф. К тому же не хотелось оставлять Грутсланга без имени. К чему лишняя путаница?

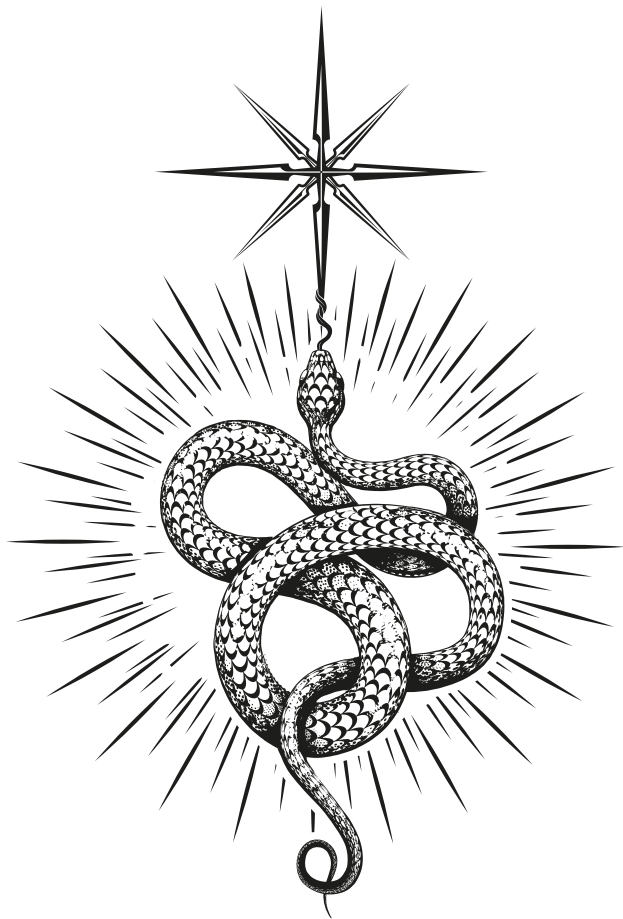
В конце каждой главы Вазир ибн Акиф оставил символические отрывки-рассуждения, состоящие из образов, аллюзий и метафор. Я сохраняю их в том же виде и в том же порядке, в каком они встречаются в оригинальном тексте. Отмечу, что почтенный поэт почти наверняка специально перемешал их; отмечу также, что все пять фрагментов восходят к «пяти принципам всего сущего» алхимика ар-Рази (Творец, душа, материя, время, пространство) и, вероятно, представляют собой зашифрованный рецепт трансмутации (опять же, можно

лишь предположить). Фрагменты эти никак не связаны с сюжетом.

Я также позволил себе подобрать к роману эпиграфы, который, как мне кажется, отлично описывает центральный смысловой мотив текста. Хотя есть цитата еще из одной песни — группы ДДТ, — которая отлично бы охарактеризовала труд почтенного мистика: «И выползает на солнце новый фюрер — пророк с головой козла». Эпиграфы к главам, однако, подобраны самим Вазиром ибн Акифом.

Некоторые нюансы древнего мышления и мифологии требуют отдельных комментариев, которые я буду выносить между главами. Постараюсь быть доходчивым и выражаться кратко. К изданию также прилагается список основных событий, имен и терминов, упомянутых Вазиром ибн Акифом.

Искренне ваш, Денис Лукьянов

MASDAR

Той роковой ночью, когда ей предстояло умереть, времени — свернуться прокисшим молоком, а всем клепсидам* мира — начать отсчет с начала, с обреченной бесконечности сифра**, что смуглые брахманы-индусы называют основой вселенной, — звезды погасли.

Так ей казалось.

Небо — чернее черного. Ночь — сплошь липнущее к телу дыхание скорой смерти. Без звезд, без надежды — ее вели почти вслепую, озаряя путь всего одним стеклянным сосудом

* То же, что водяные часы. Здесь и далее — прим. переводчика.

** Ноль на арабском.

со светящимися червями, да и те словно боялись сиять — мерцали тусклыми точками.

Так ей казалось.

Звезды же, холодные сгустки серебра, горели ярче обычного.

Она просто не хотела видеть.

Шла и смотрела под ноги, разглядывала собственные следы на остывающем песке и теребила бусы из красных камушков.

И ведь теперь она никогда не сможет передать их, отщипнуть часть своей сути, выполнить предназначение; так, по крайней мере, с детства учили шаманы. Часть тебя — в этих бусах. Будь готов оторвать эту часть, получив взамен чужую.

Пустыня изголодалась по человеческому горю — в темноте безмолвные барханы притаились первобытными хищниками. Они и прежде всегда тревожили ее, даже когда четкий ритм медных барабанов под землей напоминал: не одна. Никогда. Нигде.

Сейчас барабаны гремели вновь — но по другому поводу.

Она не хотела смотреть ни вперед, ни по сторонам. К чему созерцать однообразные пейзажи, эти иссушенные долины, некогда, как говорили старейшины, цветшие радугой самоцветов и полные буйной душистой зелени. Пока люди не согрешили. И пока бог — в наказание, говорили они, — не ниспослал сюда его. Она всегда ценила красоту — ту малую, до которой удавалось дотянуться, — но вовсе не по этой причине решила смотреть под ноги, игнорируя приевшиеся песчаные покрывала. Знала, куда ее ведут. Слишком хорошо знала.

Врезалась в спину впереди идущего мужчины. Все они во круг — мужчины: вот один стоит с полосатым глиняным сосудом, полным золота, другой с таким же, до краев забитым драгоценными камнями. Вот хлипкий юноша — с единственным

источником света, а вот широкоплечий — он хмыкнул, сурово посмотрев на нее.

Они были обходительны и ласковы. Они — одно племя, одни бусы из красных или белых камней. Но она уже давно поняла, что беспокоило ее больше всего — всю жизнь, с детства.

Они были слишком обходительны с такими, как она. Оскверненными колдовством. Впереди уже виднелся вход в глубокую пещеру, сочащийся тьмой: граница между «быть» и «не быть», между ею как человеком и ею как тряпичной жертвенной куклой.

Широкоплечий, теперь оказавшийся сзади, подтолкнул ее — мягко, но настойчиво. Двое других протянули сосуды с золотом и драгоценными камнями вперед, опустившись на одно колено. Юноша с источником света отступил, словно прячась.

Как она его понимала.

Широкоплечий протянул руку к ее бусам из красных камней. Она помотала головой, а он, конечно, кивнул — знал, что это ее право. Забрать с собой, не передавая никому.

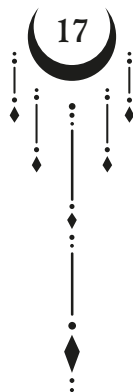
Ей — сегодня, раз такова судьба, — можно.

Как и всем другим в конце жизни.

Чернота пещеры царапала глаза, ночь стояла слишком тихая, будто тоже ожидала ее следующего шага. Конечно, можно убежать, можно выбрать жизнь в иссушенной пустыне, на поверхности, под бдительным взором карающего солнца, но... что делать, когда рокот медных барабанов навсегда станет чужим и враждебным, когда бусы из красных камней потеряют смысл?

Она давно все приняла и поняла.

Пошла к пещере, подхватывая сосуды худыми руками — чересчур тяжелые, для него не принято скупиться. Шаг, два — и окунулась в темноту, на этот раз настоящую, ласкающую

бедра, сокрытые мягкой тонкой тканью: никогда не знала, как та называется. Никто не рассказывал.

В герметичной и пугающей тишине, она всё спускалась — конечно, помнила, что он ждет там, глубоко. Холодало, острые камни резали ноги, что-то мокрое касалось щиколоток. Вспомнились рассказы о далеком море и бархатистых водорослях, щекочущих ступни, будто шагаешь по роскошным коврам, впитывая свежесть далеких тропических ветров. Она отдала бы все, чтобы побывать в этих дивных местах, но мечте не суждено сбыться. В любом случае.

И вот ее настигло шипение, перерастающее в рев. От неожиданности она выронила сосуды и совсем не услышала, как они разбились, — по тоннелям катился куда более громкий и пронзительный звук. В темноте она с трудом разглядела чешуйки огромного змеиного тела, эти тени среди теней, холодный оникс, будто отражающий мрак; потом — два белоснежных бивня, извивающийся хобот и горящие хищным гранатовым пламенем первобытного пожара глаза со двойными зрачками...

Она знала, что делать.

Упала на колени, пошарила в острых осколках среди золота и других подношений, нащупала и крепко сжала спрятанный на дне сосуда камень.

Самый огромный и прекрасный драгоценный камень старейшин, который удалось украсть.

